

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

ЭКРАМ
Улице №...
- 1994 -

II - 27
КОЯБ. -
- 4 ДЕК.
- 0.6.

Приехав в Питер после многолетнего перерыва и задолго до повздки предвкушая радость встречи с любимым городом, любимым БДТ, любимыми артистами, я меньше всего могла предположить, что день этот станет горьким и окрасится, видимо, на всю последующую жизнь печалью расставания.

И потускнел небосвод

В этот день Большой драматический имени Г.А.Товстоногова прощался с многолетним руководителем музыкальной части театра, композитором Семеном Розенцвейгом, а во время панихиды позвонили и сообщили о кончине Валентины Павловны Ковель — изумительной актрисы, редчайшего дарования, человека, жизнь которого казалась неотделимой от БДТ.

Вот и еще одна из звезд этого удивительного небосвода под названием Товстоноговский театр ушла от нас. Думать об этом невыносимо, как вообще невыносимо считать ушедших, зная, что никогда больше не вернуться они на родные подмостки. Один из жесточайших законов жизни в том и заключен, что на смену одному поколению приходит другое, и родится в стенах старого театра театр новый. Это очень логично, но ведь это и наша собственная жизнь, по кусочку откалывающаяся от некоего невидимого монолита, чтобы переплавиться в иную. Без них и без нас.

За несколько часов кружения по улицам и площадям Ленинграда, Санкт-Петербурга, Питера вспоминалось то поколение, к которому принадлежала Валентина Павловна. "Иных уж нет...", и никуда от этого не денешься. Как не денешься и от памяти, заставляющей то смеяться, то плакать, вспоминая и проживая вновь, наверное, самые лучшие моменты жизни.

Валентину Павловну Ковель однажды назвали снайпером — в своей рецензии на спектакль "На всякого мудреца довольно простоты" Александр Петрович Свободин написал, что роль Манефы иначе, чем точным снайперским выстрелом Ковель не сочтешь. Да, это так и было, но не только в "Мудреце". Каждая работа Валентины Павловны была поистине влет! Она была уникальной актрисой, думаю, что и уникальным человеком. Моя близкая подруга, человек совершенно нормальный и трезвый, настолько, насколько вообще может быть трезв человек, бесконечно любящий театр, работавшая с Ковель на протяжении многих лет, сказала как-то: "Если Валентина Павловна велит прыгнуть с моста в Фонтанку, я сначала прыгну, а потом уже буду думать: зачем". Ковель и в каждой своей роли была такой. На нее смотрели с наслаждением, воспринимая ее героинь распахнутой настезью души, а уже потом могли позволить себе задуматься: зачем? Зачем они так преувеличены во всем — если уродливы, то уж так, как никогда не бывает; если красивы — то броско, наотмашь; если плачут — то просто фонтанами; если смеются — то смехом героическим.

А какой удивительной, ни на кого не похожей пластикой была она одарена. А какой голос у нее был.

Я ловлю себя на том, что не только вижу Валентину Павловну перед собой, но и слышу, слышу, как она говорит, поет, смеется. Вот Людмила Брандахлыстова из "Смерти Тарелкина" со своими "отпетыми" дочурками: чулки разорваны так, словно они сделаны из рыбацких сетей, немыслимая шляпка сдвинута на один глаз, подпрыгивает, подмигивает, лукавит то с пафосом, то с откровенной издевкой, а уж как запоет про Господа Бога, который непременно "накажет злодея-папашу", — люстры закачаются!..

А вот она — старая кобыла Вязопуриха из "Истории лошади". Кто же из виде-

ших забудет их дуэт с Холстомером-Лебедевым, буквально выворачивавший душу наизнанку: "Как пригрело солнышко горячо, Положи мне голову на плечо..." И нет уже ни Евгения Лебедева, ни Семёна Розенцвейга, ни ее, Валентины Павловны.

Даже в таком спектакле, как "Скорбящие родственники", поставленном в БДТ режиссером из Югославии и недолго продержавшимся в афише театра, Ковель умудрилась блеснуть так, что и десятилетия спустя помнится ее злобевший совет родственникам, не могущим разделить наследство: "А ты поставь будильник на поднос — громче будет звонить" — и взрыв хохота в зрительном зале после такой, казалось бы, не слишком остроумной реплики. Потому что произносила ее — Валентина Ковель, любимая, несравненная, уникальная.

Можно о каждой ее роли сказать очень много, потому что они были, действительно, снайперскими выстрелами — по точности, по небоязни актрисы быть такой, какой ей хотелось, по тому колоссальному женскому обаянию, что вопреки самому преувеличенному гриму било в цель, завоевывая Ковель все новых и новых преданных поклонников.

Все знали о том, что Ковель больна, но все равно уход ее был таким же стремительным и ошеломляющим, как ее Богом данный талант. И это, наверное, единственное, что может хоть как-то примирить с трагической данностью.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ